

Журналист И.С. Левитов об опиумной политике на Тайване

Валентин Цуньлиевич Головачёв,

кандидат исторических наук, старший научный
сотрудник, Институт востоковедения РАН, Москва.

E-mail: valliu@complat.ru (valliu@hotmail.com)

Вера Александровна Перминова,

аспирант, Институт востоковедения РАН, Москва.

E-mail: verger177@yandex.ru

Опиекурение и контрабанда опиума долгое время оставались серьёзной проблемой на российском Дальнем Востоке. Запретительная политика, проводившаяся правительством с конца XIX в., приводила к ещё большему распространению опиекурения среди населения восточной части империи. В поисках путей выхода из кризиса отдельные отечественные эксперты обращались к зарубежному опыту. Например, известный дальневосточный журналист И.С. Левитов полагал, что России нужно перенять японскую модель опиумной политики, реализуемую в те годы на Тайване, в первой колонии Японии. Чтобы оценить приемлемость такой модели для российского Дальнего Востока и объективность взглядов Левитова, авторы статьи предприняли более детальный анализ особенностей опиумной политики Японии на Тайване.

Ключевые слова: Дальний Восток, колониализм, Левитов, международные отношения, опиум, опиекурение, Россия, Тайвань, Япония.

Japanese opium policy in Taiwan

as the best model of modernization in Russian Far East.

Valentin Golovachev, Ph.D., Sr. Res. Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

Vera Perminova, Postgraduate, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow.

Opium smoking had been an acute problem in Russian Far East for decades. The forbidding laws of the government in XIX c. made opium smoking widespread in Far-Eastern part of Russian Empire. Deteriorating situation impelled some Russian experts to research opium policy of foreign countries. E.g., Russian journalist I.S. Levitov wrote several articles to prove his conclusion that Russia should adopt the “best of all” Japanese practice of the opium smoking control — the policy implemented by Japanese in colonial Taiwan. In order to find out to what extent could this model be applicable to Russian Far East, the authors studied Levitov’s articles and the details of Japanese opium policy in Taiwan.

Key words: colonialism, Far East, international affairs, Levitov, opium, opium smoking, Russia, Taiwan, Japan.

Опиекурение было серьёзной проблемой во всех японских колониях: на Тайване, в Корее и Маньчжурии. Введённая в этих колониях монополия на опиум составляла значительную часть денежных поступлений, необходимых для финансирования экономических и военных акций японского правительства. При том, что Япония подписала ряд документов по борьбе с потреблением наркотиков и официально проводила политику «постепенного запрета опиекурения», доходы её правительства от реализации опиума возрастали, а за первые 7 лет после принятия в 1897 г. закона, регулирующего курение опиума, количество опиекурильщиков на Тайване, согласно японской статистике, даже возросло [7, с. 162—163]. Вероятно, это видимое противоречие можно отнести к успехам текущей кампании «постановки на учёт» (рост доли учтённых курильщиков), послужившей основой для всей дальнейшей политики регулирования опиекурения на острове.

Хотя опиумная политика колониальных властей позволяла получать огромную прибыль, в итоге она всё же способствовала сокращению потребления наркотиков местным населением. Путём введения строгого надзора за продажей опиума и искоренения контрабандного ввоза японцы полностью контролировали потребление опиума в колониях. Определённые успехи в регулировании опиекурения, вкуче с активной пропагандой этих успехов колониальной Японией, создавали у некоторых зарубежных экспертов впечатление высокой эффективности, даже безупречности японской политики. Это порождало стремление изучать «образцовый» японский опыт с целью его дальнейшего применения в других странах.

Наглядным примером такого подхода служат статьи русского журналиста И. Левитова¹. В 1903 г. он прибыл на Тайвань, где прожил 3 недели, в течение которых японское правительство «охотно разрешило» ему изучать опиумную политику на острове. При посредничестве и под надзором местных властей журналист лично ознакомился с глубоко впечатлившими его успехами в деле борьбы с наркотиками на Формозе.

Первая статья Левитова о проблеме опиекурения на Дальнем Востоке [2] была опубликована лишь в 1906 г., вскоре после окончания Русско-японской войны, которая, как известно, вынудила россиян в корне переоценить успехи модернизации в Японии. Как пишет журналист, после поездки он обратился в Государственную думу с просьбой сделать запрос министру финансов о мерах, предпринимаемых для борьбы с контрабандой опиума на Дальнем Востоке. Но запрос не был сделан, а самого автора не восприняли всерьёз. Ему не удалось даже просто выступить перед группой депутатов. Однако Левитов сумел публично изложить свои доводы о необходимости перенимать японский опыт борьбы с опиумом на Тайване, опубликовав их в «Санкт-Петербургских ведомостях». Его работа состоит из двух частей. В первой Левитов описывает причины появления и угрожающего

¹ Левитов Илья Семёнович (1850 г. р.). Российский журналист и этнограф, участник поездок в Маньчжурию, Китай, Японию, Индию, Индокитай и Европу. Работал при городском управлении Порт-Артура. Публиковал статьи в газете «Новый край» и других периодических изданиях.

роста проблем с опиекурением в России. Во второй — освещает опыт других стран, проводивших политику сокращения опиекурения в своих колониях (США — на Филиппинах, Япония — на Тайване, Голландия — на Яве, Франция — в Индокитае), затрагивает проблему опиекурения в Китае и очерчивает перспективы решения этой проблемы в России и Маньчжурии. Автор подчёркивает невозможность успешного освоения Дальнего Востока без решения опиумной проблемы, а также связь между способностью государства решать острейшие социально-экономические проблемы внутри страны и успешной внешней политикой. Примером государства, справляющегося с подобными задачами, являлась Япония, которая, по его словам, «решает опииную проблему Дальнего Востока лучше всех европейцев». Левитов считает, что лучшим образцом опиумной политики является именно японская, так как она не только оказалась экономически выгодной (как в случае с американской опиумной политикой на Филиппинах), но и ведёт к полному искоренению привычки опиекурения среди населения.

Отдавая должное журналистской активности, опыту и радикализму взглядов Левитова, нужно отметить, что его тезисы и аргументы требуют проверки. К тому же необходимы более точные ответы на следующие вопросы: какие реальные цели и задачи преследовали японцы в опиумной политике на Тайване, каких результатов они смогли добиться за первые 7 лет регулирования опиумной торговли на острове, как в действительности влияли ограничения в потреблении опиума на число опиекурильщиков. Особенно интересно проследить, насколько объективен И.С. Левитов в освещении японского опыта и какие особенности опиумной политики Японии на Тайване случайно или умышленно не упомянуты в его статьях. Вне рамок этой работы остаются вопросы об осуществимости легализации опиума на Дальнем Востоке и о причинах отказа российских властей от рассмотрения опиумной проблемы.

Как отмечал Левитов, распространение опиекурения на российском Дальнем Востоке к началу XX в. приобрело крупные масштабы: только за 1904—1905 гг. ввоз персидского опиума в Россию возрос почти в 20 раз², огромные партии контрабандного китайского опиума и кашгарского гашиша проникали через российско-китайскую границу, минуя таможенный контроль³. Главной причиной широкого распространения опиекурения на Дальнем Востоке И. Левитов считал неразумную и недальновидную политику властей, а именно полный запрет курения опиума со второй половины XIX в., из-за которой отсутствовали реальные меры, направленные на искоренение этой привычки среди населения. Отказываясь признавать

² О персидском опиуме, ввозимом в Россию в виде контрабанды, свидетельствуют данные из донесения правительственного агента России в Тегеране П. Веденского, содержащиеся в его статье «Торговля в Персии в 1904—1905 гг.», опубликованной в 1906 г. в вып. IV Сборника консульских донесений, издаваемого Министерством иностранных дел. Цит. по: [3, с. 1—2].

³ Проблеме распространения и потребления в России наркотических веществ (опиума, бузы, гашиша) посвящены статьи И.С. Левитова [3; 4].

факт существования контрабандного ввоза, правительство отказывалось и от решения проблемы, всё более её усугубляя.

Полный запрет на производство и потребление опиума в Амурской и Приморской областях привёл к тому, что азиатское население Дальнего Востока, которое прежде выращивало коноплю и мак, понесло большие убытки, а отсутствие должного контроля со стороны властей позволило людям заниматься контрабандным производством и сбытом опиума. Помимо того, что местные власти на Дальнем Востоке действовали без учёта специфики и потребностей населения региона, неразумность российской политики в отношении Китая вела к росту нелегального провоза наркотиков через российско-китайскую границу. Примером такой недалёковидности Левитов считает заключение с китайским правительством Ливадийского трактата⁴, по которому русские на территории китайского Туркестана имели право торговать без уплаты всяких пошлин (т.е. могли поставлять наркотики на более выгодных условиях, чем сами китайцы), тогда как населению русского Туркестана было полностью запрещено заниматься производством наркотических веществ [3, с. 13]. Это создавало наиболее благоприятные условия для контрабандного ввоза наркотиков в Россию.

Левитов уверен, что репрессии против наркозависимого населения не могут быть эффективны. Он приводит в пример опыт запрета алкогольной продукции в российском Туркестане в 1870-х гг., когда население быстро перешло от потребления алкоголя к курению ещё более опасного гашиша, который, как контрабандный продукт, сбывался без должной обработки [4, с. 326]. По глубокому убеждению автора, усиление таможенного и полицейского контроля не может решить проблемы опиокурения, а только содействует коррупции и обогащению полиции [4, с. 317—318]. Единственным методом борьбы с пагубной привычкой населения является изучение проблемы и её постепенное искоренение [4, с. 327—329] — как раз те меры, которые проводили японские власти на Тайване. Следуя японским принципам опиумной политики, Левитов, одновременно со снижением цен на опиаты и превращением их контрабанды в невыгодное дело, предлагает не упускать возможность извлечения выгоды от опиумного рынка и не лишать казну значительной части доходов. На примере европейской колониальной политики, а также политики Японии и Китая журналист показывает, что, хотя власти и должны постепенно сокращать внутреннее потребление опиума, им, тем не менее, следует расширять своё влияние на международном опиумном рынке, обеспечивая опиумом, в первую очередь себя, а затем и другие регионы. Даже Китай, который, по мнению Левитова, как и Россия не может эффективно

⁴ Ливадийский трактат был заключён в 1881 г. По этому трактату Россия обрела право открывать российские консульства в городах Туркестана, российские товары перестали облагаться пошлинами. Более того, русские купцы получали эксклюзивное право свободного ввоза и вывоза товаров из китайского Туркестана. С 1902 г. Китай начал взимать торговые пошлины с китайцев, но привилегии для русских и английских торговцев отменены не были. Подробнее см.: [3, с. 12—13].

бороться с распространением опиума на своей территории, постепенно вытесняет иностранных поставщиков и стремится самостоятельно регулировать потребление наркотиков внутри страны [3, с. 8—10]. Понимая, насколько производство опиума выгодно для государства, правительство Китая не спешит сокращать свои маковые поля и вводить запреты на производство наркотических средств.

К сказанному Левитовым стоит добавить, что при проведении опиумной политики на Тайване японские власти в целом следовали той же логике, что и другие колониальные державы. Введение полного запрета, скорее всего, вызвало бы сильное недовольство большей части населения, поскольку потребление наркотиков на острове к началу XX в., равно как и в материковом Китае с середины XIX в., приобрело огромные масштабы. До прихода японцев в разных портах Тайваня имелось около 10 иностранных и местных фирм, импортирующих опиум. Кроме того, существовало несколько десятков различных опиатных лекарств, которые могли восполнять дефицит в поставках опиума на остров. О значимости проблемы и серьёзном отношении к ней японцев свидетельствует то, что эффективность опиумной политики колониальных властей напрямую связывалась с эффективностью управления колонией в целом [7, с. 156].

Решение проблемы потребления опиума местным населением, по признанию самих японцев, являлось неотъемлемой частью общей политики освоения новых территорий. Вопрос заключался лишь в степени жёсткости контроля: либо полностью запрещать опиекурение, либо проводить более гибкую политику. Предложения Гото Симпэя (в те годы главы санитарного управления МВД), изложенные в виде меморандума, в целом определили курс колониальной политики японских властей в данной области. Было решено проводить более умеренную, мягкую политику в отношении опиекурения: максимально снизить потребление опиума среди его курильщиков и предотвратить появление новых путём образовательных мер и строгого контроля над всеми этапами производства, реализации и потребления. Иными словами, установить монополию на опиум [7, с. 155—158].

Согласно принятому в 1897 г. закону, регламентирующему продажу и потребление наркотиков, на Тайване вводился запрет на их реализацию без специального разрешения, на их курение без лицензии (курильщикам надлежало зарегистрироваться и получить особую карту для легальной покупки опиума), на их незаконное производство, были установлены фиксированные цены, а также запрещено открытие опиекурилен и создание других условий для курения наркотиков [7, с. 157].

Как заверяли японские власти, такая форма контроля не только поможет постепенному отказу населения колонии от пагубной привычки, но и облегчит страдания наркозависимых опиекурильщиков. Более того, вся прибыль от продажи наркотиков и лицензий пойдёт не в карманы перекупщиков, а в бюджет колонии и в дальнейшем будет направлена на развитие региона. Становясь дополнительным источником дохода, государственная монополия на опиум ещё и снизит налоговое бремя местного населения [7, с. 160].

Впрочем, на практике всё выглядело не совсем так, как заявляли японцы и казалось Левитову, а позитивных результатов такой политики, даже незначительных, пришлось ждать довольно долго. По данным тайваньского бюро монопольной торговли, более 50% сырого опиума (преимущественно купленного в британском Гонконге) перепродавалось за границу, в основном в материковый Китай. Через посредников во Владивостоке опиум попадал в Шанхай, Циндао, Гуанчжоу и другие города [8, с. 35—36]. На налоги, которые, по заверению японских властей, должны были снижаться за счёт монопольных сборов, в действительности никак не влияло введение монополий на соль, опиум, камфару, табак и алкогольные напитки. Если учесть, что бюджет Японской империи на 66% состоял из доходов от монополий из Кореи и Тайваня [5, с. 357] (где 68% — доходы от продаж опиума [9, с. 1]), нетрудно представить, насколько существенно могла быть снижена налоговая ставка в случае реальной компенсации налоговых поступлений за счёт сборов от монополий. Но японские власти, вопреки их заявлениям, озвученным Левитовым, не собирались снижать налоговое бремя жителей колонии. Напротив, они стремились максимально умножить бюджетные доходы, что, впрочем, способствовало быстрому (чуть больше 10 лет) переходу Тайваня к финансовому самообеспечению и независимости от дотаций центрального правительства.

Говоря о выгодности разведения мака и необходимости расширения опиумного производства, Левитов напоминает, что власти Тайваня выкупили дополнительные участки земли для разведения мака, дабы снизить зависимость от британских поставок сырого опиума [2, с. 17]. Позднее, уже после начала Первой мировой войны, японцы постараются полностью вытеснить английских поставщиков со своего опиумного рынка. В 1915 г. на Тайване была основана фармацевтическая компания, использовавшая при создании лекарств побочный продукт опиума — морфин. Таким образом, производство опиума и лекарственных препаратов были тесно связаны между собой, а продукция в некоторых случаях — взаимозаменяема: опиумная паста (для курения) производилась под видом медикамента и была доступна для населения как любое другое лекарство. Монопольными импортёрами опиума-сырца и поставщиками готового продукта являлись компании Мицуи и Samuel&Samuel. После начала Первой мировой войны в 1914 г. европейские поставщики не были способны полностью удовлетворять потребности японского рынка, что заставило власти уделить особое внимание производству сырья — морфина грубой обработки — на Тайване [8, с. 34—36]. В планы колониальной администрации Тайваня входила также дополнительная культивация мака, представители властей уже начинали оценивать новые возможности для сбыта продукции путём тайных сделок на опиумных рынках в Гонконге, Аомэне и материковом Китае [8, с. 40]. Политика вытеснения иностранных компаний из колоний и замещение их японскими была характерна для первых 10—15 лет японского управления на Тайване [10, с. 336—341]. В такой прибыльной сфере, как торговля опиумом, японцы в своих колониях сделали всё возможное для ослабления позиций иностранных производителей и поставщиков.

Проводя политику монопольной реализации опиума и контроля над его потреблением, японские власти, с одной стороны, могли получать большую прибыль, а с другой — стремились снизить число потенциальных курильщиков среди молодёжи (в процессе обучения студентам рассказывали о вредности потребления наркотиков). Такие задачи и посулы японских властей полностью решить проблему курения опиума на Тайване в течение 17—20 лет создали у И. Левитова впечатление об «искреннем желании действительно искоренить опиокурение на острове» [2, с. 8]. Для демонстрации определённых успехов японцев в решении этого вопроса автор статьи приводит «данные японского правительства», которые, впрочем, не совсем сходятся со статистикой из других источников. В частности, И. Левитов пишет, что за период с 1897 по 1902 г. перестало курить 34,9 тыс. чел. и 6,3 тыс. чел. умерли из-за продолжительного курения [2, с. 16]. Однако, согласно данным из архивов японского генерал-губернаторства, собранным Т. Ёсабуро⁵ для исследования в ходе нескольких поездок на Тайвань, ситуация выглядела иначе, и даже совсем наоборот: за указанный период 46,09 тыс. чел. умерли в результате длительного курения опиума, оставили вредную привычку 6,3 тыс. чел. (причём некоторые из них вновь возвращались к курению). Заметим, что свою книгу «Японское правление на Формозе», изданную в сентябре 1905 г. почти одновременно со статьёй И. Левитова, Т. Ёсабуро задумывал как презентацию небывалых успехов японцев в колониальном управлении. Автор стремился показать потенциал острова, который японцы смогли использовать должным образом. Однако в разделе об опиумной политике Т. Ёсабуро заключает, что опиокурение продолжает оставаться большой проблемой на Тайване. В отличие от Левитова он признаёт, что направленные на смягчение этой острой проблемы усилия японских властей пока не привели к большим успехам, и выражает надежду, что в будущем от этого недуга не будет страдать такое большое число молодёжи [7, с. 163—164]. Приведённые данные не позволяют утверждать, как это делает Левитов, что «цель, заключающаяся в том, чтобы отучить молодое поколение китайцев от курения, достигнута» [2, с. 9]. Вполне вероятно, впрочем, что Левитов сознательно идеализировал успехи японских властей в сфере опиумной политики, чтобы тем самым привлечь большее внимание к японскому опыту и побудить депутатов Госдумы к его скорейшему использованию в России.

В целом, в период с 1900 по 1903 г. общее число опиокурильщиков на острове всё же сократилось (по данным Левитова — с 169 064 до 139 609 чел. Примерно те же цифры даёт и Т. Ёсабуро) [2, с. 15]. При этом, хотя закон об опиумной монополии был принят в 1897 г., к 1900 г. количество наркозависимых людей возросло в 2,5 раза (в 1897 г. общее число опиокурильщиков составляло 50 597 чел.; среднее количество новых лицензий на курение опиума составляло ежегодно 15—30 тыс. [9, с. 81]). Как уже говорилось выше, вероятно, это было связано с длительным процессом регистрации

⁵ Такэкоси Ёсабуро 竹越與三郎 (1865—1959). Прогрессивный политик, историк и парламентарий. Прибыл на Тайвань в июне 1904 г., чтобы написать работу о новой колонии.

опиекурильщиков, часть которых могла изначально получать опиум через нелегальных поставщиков, пока власти не наладили строгий и стабильный контроль над его сбытом.

Примечательно, что в своей статье И. Левитов неоднократно отмечает выгодность разведения опиума в Северном Китае: «Китаю и России в Северной Маньчжурии экономически более выгодно разводить не хлеб, а мак» [2, с. 18]. В Маньчжурии, тогда ещё китайской, «разводится громадное количество опиума... и далее развозится по всему северному Китаю» [2, с. 11]. Ещё через четверть века, уже после японской оккупации Маньчжурии в 1931 г., именно этот регион станет одним из основных производителей опиатов. Начиная с 1933 г. правительство официально субсидировало крестьян, выращивавших опиумный мак, а не другие культуры (например, бобовые). Вот что писал в 1939 г. о Маньчжурии работавший на японскую администрацию Амлето Веспя: «Путешествующему по какой-либо большой железнодорожной трассе в Маньчжурии эти [маковые] плантации не видны, но вдали от глаз туристов бесчисленное множество акров засажено маком. Производство опиума достигло таких объёмов, что японцы сейчас ежегодно экспортируют в Китай продукцию на миллионы долларов» («опиум маркируют как продовольствие для японской армии и поставляют в Китай — Пекин, Нанкин, Тяньцзинь и др.»), и это является частью установленной тактики японцев в их завоеваниях — превращать в наркоманов оккупируемое население как можно скорее так, чтобы люди теряли всякие мысли о «сопротивлении» [6, с. 98]. По сравнению с другими колониями Японии, на Тайване опиекурение не приобрело столь широкого размаха, поскольку экономика острова была более сбалансированной, а сфера социального обеспечения находилась на более высоком уровне, чем в Маньчжурии или Корее⁶.

Курение опиума позволялось только народам, которые находились под контролем японских властей, самим японцам запрещалось его употреблять, т.к. опиекурение считалось недостойным. Свидетельства резко негативного отношения японцев к курению можно найти во многих источниках: Й. Такэкоси пишет, что из 50 тыс. японцев, обитавших на Тайване к 1905 г., лишь четверо были опиекурильщиками, и только один «подозревается» в пристрастии к курению [7, с. 154]. (Эти данные, скорее всего, занижены, но хорошо отражают демонстративно негативное отношение властей к курению опиума самими японцами). В статье И. Левитова по этому поводу приведены такие строки: «Если вы спросите японца... курит ли он опиум, то этим вы его очень оскорбите» [2, с. 7]. В реальной жизни всё обстояло, скорее всего, не столь идеально. Однако чёткое разделение на японцев и неапонцев проявлялось в том числе и в опиумной политике. Показательно, что на фабриках по производству опиума определяли качество продукции (путём курения) и сортировали её исключительно китайцы. Цитируя слова одного из японских начальников, Амлето

⁶ Более подробный анализ и сравнение японского управления в разных колониях см. [1].

Веспя пишет: «Уничтожать людей при помощи пуль, бомб или ракет стоит денег, но убивать их при помощи наркотиков и, тем самым, извлекать из этого большую прибыль — не только хороший бизнес, но также и часть блестящей военной стратегии» [6, с. 100].

В статье об опиекурении на Дальнем Востоке И. Левитов неоднократно указывает на существующие и потенциальные риски, связанные с необдуманной политикой российского руководства в отношении опиумной торговли на Дальнем Востоке. Автор считает, что для России, равно как и для Китая, необходимо и экономически выгодно введение монополии на опиум по японскому образцу. Возможно, эта мера могла стать приемлемой для обеих стран в ситуации, сложившейся к началу XX в. Но она так и не была введена в пределах России.

Очевидно, официальная пропаганда японских колониальных успехов принесла желаемые плоды: у российского журналиста сложилось мнение о том, что России и Китаю стоит следовать японскому примеру, по крайней мере, в сфере опиумной политики. В своих статьях Левитов повторяет ряд аргументов японской прессы (в т.ч. Токио Асахи), сообщавшей о порочном влиянии европейцев на продажу опиума в Китае и призывавшей использовать японский опыт на Формозе. Говоря об эффективности японской модели управления, он почти дословно повторяет популярные в те годы среди китайской интеллигенции лозунги «паназиатизма»: «Китай доказал, что пойдёт рука об руку с жёлтой расой под гегемонией Японии» [2, с. 17].

Работы И. Левитова об опиекурении на Дальнем Востоке заметно подвержены влиянию официальной пропаганды и не раскрывают всю реальную суть японской опиумной политики, но в то же время они содержат ряд объективных данных о её социально-экономических сторонах. В частности описываются основные цели и задачи, которые преследовала японская опиумная политика на Тайване, и даётся представление о её восприятии в Российской империи. Желание привлечь внимание российской общественности и властей к проблеме опиекурения и поиску эффективных способов её решения, судя по всему, побудило Левитова показать лишь позитивные стороны японской политики и помешало ему объективно выявить серьёзный разрыв между официальными заявлениями японцев о гуманных целях и куда менее гуманной реальностью. Тем не менее статьи о необходимости опиумной и гашишной реформ демонстрируют глубокое понимание автором специфики опиумной проблемы в Российской империи и насущности поиска путей для выхода из «опиумного» кризиса, нараставшего на Дальнем Востоке вследствие близорукой запретительной политики властей.

Что касается опиумной политики, которую проводили японцы в своих колониях, то она основывалась, прежде всего, на извлечении максимальной прибыли из монопольных продаж наркотика. В некоторых случаях японские власти поощряли, а иногда даже навязывали населению выращивание мака, добываясь монополии не только на торговлю, но и на производство опиума в пределах подконтрольных территорий

(в основном в Маньчжурии). Однако, наряду с погоней за увеличением доходов от монополии [10, с. 388], колониальные власти всё же способствовали немалому сокращению опиекурения на Тайване.

В целом, в первые годы (7—10 лет) японской оккупации Тайваня колониальная политика была призвана установить эффективное правление на его территории (Япония фактически завоёвывала остров) и постепенно взять под контроль все экономические ресурсы наряду с вытеснением из промышленной и торговой сферы иностранных агентов. Все монополии (на опиум, камфару, сахар, соль, табак, алкогольные напитки) были введены правительством для увеличения бюджетных доходов и контроля над самыми прибыльными отраслями производства. В этих условиях существенное снижение доли опиекурильщиков среди населения Тайваня являлось лишь одной из частных, побочных целей официальной опиумной политики, направленной на упрочение контроля над островом, увеличение экспорта опиума на внешние рынки и, в конечном счёте, на реализацию общих экономических, финансовых и политических амбиций японской колониальной империи.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

На русском языке:

1. Калашников Н.И. Тайвань и Корея под властью Японии: особенности и результаты колониальной политики // Восток. М.: Наука, 1999. № 6. С. 16—30.
2. Левитов И.С. О контрабандном ввозе опиума на Дальний Восток // Санкт-Петербургские ведомости. СПб.: Типография С.-Петербургских ведомостей, 1906. С. 1—24.
3. Левитов И.С. Необходимость гашишной реформы в России — как средство избежания серьёзных недоразумений между Россией и Китаем // С.-Петербургские Ведомости. СПб.: Типография С.-Петербургских ведомостей, 1907. С. 1—24.
4. Левитов И.С. Бузо-гашишный вопрос на наших окраинах // Известия Императорского русского географического общества. Т. XLVI, вып. IV—VI. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1909. С. 303—332.

На английском языке:

5. Myers, R.H., Peattie, M.R. ed. The Japanese colonial empire, 1895—1945. Princeton: Princeton University Press, 1984. 534 p.
6. Vespa A. Secret agent of Japan. A handbook of Japanese imperialism. L.: Victor Gollancz, 1939. 287 p.
7. Yosaburo T. Japanese rule in Formosa. L.: Longmans, 1907. 342 p.

На китайском языке:

8. Чжун Шуминь. Чжи мин ди гуань ляо ши лунь — и чи тянь синь шэнь вэй ли // Тайвань сюэ вэнь цзю. Тайбэй: Го ли чжун ян ту шу гуань тайвань фэнь гуань, 2010. С. 25—44.
9. Чжан Хайпэн, Тао Вэньчжао, ред. Тайвань цзянь ши. Нанкин: Фэн хуан чубань шэ, 2010. 281 с.
10. Ши Мин. Тайвань жэнь сы бай нянь ши. San Jose CA: Paradise culture associates, 1980. Т. 1—2. 1540 с.